

2009

Очерк языковой политики и языковой ситуации в Казахстане

Элеонора Сулейменова

Follow this and additional works at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj>

Part of the [Slavic Languages and Societies Commons](#)

Recommended Citation

Сулейменова, Элеонора (2009) "Очерк языковой политики и языковой ситуации в Казахстане," *Russian Language Journal*: Vol. 59: Iss. 1, Article 3.

Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol59/iss1/3>

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

Очерк языковой политики и языковой ситуации в Казахстане

Элеонора Сулейменова

1. Введение

Наступил завершающий этап выполнения «Государственной программы развития и функционирования языков в Республике Казахстан (2001-2010 гг.)» – документа, на десятилетие определившего стратегию, приоритеты и основные направления языковой политики¹, охарактеризованной стремлением соответствовать потребностям полиэтнического населения страны, учитывать особенности языковой, демографической и политической ситуации, сохранить стабильность межэтнических и межъязыковых отношений. Целью языковой политики стало целенаправленное воздействие на главные составляющие языковой ситуации (сложившейся еще в советский период, когда языковая политика была частью общегосударственной политики по созданию советского народа с единым русским языком), языковое планирование стало осуществляться по трем стратегическим направлениям: расширение сфер употребления и функций государственного языка, сохранение функций русского языка, развитие других языков Казахстана.

Современная языковая жизнь в Казахстане и сопровождающие ее процессы интересны происходящими изменениями, и в число вопросов, требующих оперативного анализа и осмысления, включаются сущность, типология, способы и средства реализации языковой политики; содержание, этапы и эффективность статусного и корпусного языкового планирования; планирование распространения государственного языка;

¹ Новая языковая политика Республики Казахстан осуществляется в соответствии с Конституцией и Законами о языках (22.09.1989 и 11.06.1997), Концепцией языковой политики (4.11.1996), Государственными программами функционирования и развития языков (5.10.1998 и 17.02.2001), регулируемыми государственно-правовые аспекты языковых отношений. Языковая политика определяется как неотъемлемая часть национальной политики, как теория и практика сознательного и целенаправленного воздействия определенных субъектов (государственной власти, общественных группировок, партий и др.) на ход языкового развития [Сулейменова, Шаймерденова 2002: 129-130].

совокупные особенности государственной, этнической и языковой идентификации личности и изменение ее аксиологических установок в отношении языка/языков, регулирование баланса языков различного статуса в едином коммуникативном пространстве и *мн.-мн. др.*²

Действенность языкового планирования определяется совокупностью факторов, среди которых конструктивное использование законодательных механизмов, оптимальность избранных инструментов языкового планирования, последовательность языковой политики в образовании, взвешенная деятельность различных субъектов языкового планирования, содействие общества проводимому языковому планированию, наконец, изменение общей этнодемографической ситуации и *мн.-мн. др.*

Для сегодняшнего дня важно понять, насколько эффективной оказалась языковая политика, положения которой сформулированы в перечисленных выше документах. Фокусом настоящей статьи избраны направления и результаты этнодемографических процессов, которые в значительной степени повлияли на языковую ситуацию в стране, а также изменения во владении казахским, русским и другими языками как показатели активных процессов в языковой жизни.

Материалом для анализа послужили данные переписей, материалы Агентства по статистике Республики Казахстан, данные массового анкетирования 2005 года, полученные в ходе выполнения проекта INTAS №04-79-7292 «New language identity in transforming societies: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan», и результаты анкетирования 2009 года, выполненного по проекту Комитета по языкам Министерства культуры и информации Республики Казахстан «Этнолингвистическая ситуация в Республике Казахстан: настоящее и будущее».

² Названные и многие другие аспекты языковой ситуации, языковой политики и языкового планирования в Казахстане анализируются в работах казахстанских (К.М. Абишева, О.А. Айтбаев, Д.Х. Аканова, О.Б. Алтынбекова, М. Аренов, Ж.С. Аубакирова, З.К. Ахметжанова, Г.А. Досмухамбетова, М.К. Исаев, А. Кайдар, С. Калмыков, А.Е. Карлинский, М.М. Копыленко, Н.Э. Масанов, Н.С. Пак, Ж.С. Смагулова, С.Ю. Сон, Э.Д. Сулейменова, Б.Х. Хасанов, Е.А. Хасенов, К.Ш. Хусаин, Н.Ж. Шаймерденова и *мн. др.*) и зарубежных (В.М. Алпатов, А.Н. Баскаков, В.И. Беликов, В.Н. Белоусов, М.И. Исаев, Л.П. Крысин, Г.Д. МакКоннелл, В.Ю. Михальченко, К. Мусаев, В.П. Нерознак, В.М. Солнцев, Г. Хруслов, Хо Сун Чхол, Sh. Akiner, B. Anderson, D. Bhava, B. Comrie, S. Crisp, M. Dickens, W. Fierman, E. Goodman, N. Grant, M. Kirkwood, I. Kreindler, D. Laitin, C. Lee, G. Lewis, M. Olcott, W. Rivers, B. Schlyter, B. Silver и *мн. др.*) ученых.

2. Влияние сдвигов в этнической структуре населения на языковую ситуацию

На формировании языковой ситуации Казахстана непосредственным образом сказались процессы, сопровождавшие присоединение Казахстана к России (1731-1865); государственно-политическое устройство досоветского, советского и постсоветского периодов; кардинальные преобразования общества и экономики независимого Казахстана и др. В этом ряду наиболее значимыми оказались: а) изъятие в ходе аграрной столыпинской реформы более 30% земельной площади и переселение на нее крестьян из различных губерний России и Украины, в результате сформировались большие славянские этнические группы на северо-западе, севере, востоке и юго-востоке Казахстана; б) демографическая катастрофа 1929-1933 гг., сократившая население республики в 2,4 раза и превратившая казахов в этническое меньшинство вплоть до 1966 г.; в) массовая депортация в Казахстан репрессированных народов (поляков, греков, ингушей, чеченцев, балкар, крымских татар и мн. др.) в предвоенные годы; г) исправительно-трудовые лагеря КарЛАГ, СтепЛАГ, "Долинка", "АЛЖИР" (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) и др.; д) миграционные потоки народов, этническая депортация и эвакуация населения в военные и послевоенные годы; е) оргнаборы в промышленность; ж) освоение целинных и залежных земель, в ходе которого численность русского населения выросла на 21%, а удельный вес увеличился с 19,9% до 42,6%, в это же время доля казахского населения уменьшилась до 30,0%; з) миграция в годы суверенитета, приведшая к резкому снижению общей численности населения страны (17-17,5 млн в 1989 г. – 14,9 млн в 1999 г.) и изменению в ней удельного веса разных этносов за счет значительного оттока русских, немцев, украинцев в девяностые и последующие годы (доля немцев сократилась на 63,0%, украинцев – на 38%, белорусов – на 37%, русских – на 26,6%, татар – на 22%, поляков – на 21,1% и т.д.); и) напротив, увеличение числа мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и др., Турции, Афганистана, Монголии и Китая, сделавшее Казахстан страной-реципиентом.

Современные геополитические и идеологические процессы обусловили изменение самой концепции государственности, в том числе определение роли этнонационального компонента в общественной жизни и государственно-политическом устройстве и ярко выраженное стремление к развитию этнических языков и культур. Новая языковая политика потребовала решения большого числа вопросов и немаловажными

факторами, способствовавшими его успешности, оказались демографические изменения в казахстанском обществе, которые в значительной степени повлияли на этноязыковую панораму страны и распределение языков в общем коммуникативном пространстве:

– во-первых, увеличение числа казахов, обеспечиваемое за счет естественного прироста на 75,1% и возвращения при поддержке Национальной программы казахов-репатриантов (оралманов) из Китая, Монголии, Турции, Ирана, России, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и др. стран (общее число оралманов к настоящему моменту превысило 650 тыс.): в 1989 г. доля казахов была крайне низкой – 39,7%; в 1999 г. казахи составляли 53,4%, русские – 30,0%, остальные этносы – 16,6%; в 2007 г. казахи – 58,9%, русские – 25,9%, остальные этносы – 15,2% населения страны); в 2008 г. казахи – 59,8%, русские – 25%, остальные этносы – 15,2%³;

– во-вторых, внутренняя миграция, связанная с процессами урбанизации, переносом столицы, изменением административно-территориального деления северных областей и др., которая привела к увеличению удельного веса казахов в городах, ср. в Астане в 1970 г. казахи составляли 12,7%, русские – 57,4%; в 2006 г. – 40,5% и 28,8% соответственно; в Алматы в 1970 г. казахи составляли 13,6%, русские 68,3%; в 2005 г. – 46,5% и 37,4% соответственно);

– в-третьих, население страны в целом является молодым (32% – это казахстанцы до 14 лет), однако таковыми на самом деле являются узбеки – 64,3%, казахи – 61,5%, турки – 60,7%, азербайджанцы – 59%, уйгуры – 58,4% и др.; славянские диаспоры, напротив, характеризуются 'демографическим старением' и др., именно молодое поколение казахстанцев характеризуется растущей казахской языковой компетенцией.

³ В Казахстане, как и других странах СНГ, наблюдается значительное увеличение удельного веса коренных национальностей, напр., доля азербайджанцев в Азербайджане составила 90,6% (1999) против 82,7% (1989); доля белорусов в Белоруссии повысилась до 81,2% (1999) против 77,9% (1989); доля кыргызов в Кыргызстане выросла до 64,9% (1999) против 52,4% (1989) [Топилин 2002]. В Российской Федерации за тринадцать межпереписных лет совокупная численность русских, украинцев и белорусов сократилась на 5,8 млн. человек (4,6%), а численность тюркоязычных татар, башкир, чувашей, казахов, азербайджанцев, якутов и кумыков выросла до 11,0 млн., т.е. доля славяно-русскоязычных сократилась с 85,3% до 82,4%, удельный вес семи тюркоязычных народов увеличился с 6,98% до 7,58% [Губогло 2003: 54].

3. Экзогlossenность языковой ситуации

Экзогlossenность языковой ситуации Казахстана в официальных источниках связывалась с приблизительным числом языков – около 130, и действительно, по итогам переписи в Республике Казахстан 1999 г. удалось идентифицировать 126 языков [Сулейменова и др. 2007], среди которых особое место занимают казахский (государственный) и русский языки.

Подавляющее большинство языков диаспор Казахстана – это языки депортированных (переселенных) народов, имеющих/имевших основную страну проживания. В зависимости от того, какой статус и/или распространение имеют языки диаспор Казахстана в основной стране проживания, они могут быть разделены на *экзогенные языки* диаспор, имеющих вне Казахстана основное территориально-государственное образование, в котором данный язык является титульным, государственным, официальным и/или мажоритарным⁴ и *эндогенные языки* диаспор, имеющих вне Казахстана иной район расселения, в котором данный язык не является титульным, государственным, официальным и/или мажоритарным⁵. Особую группу языков Казахстана составляют *иммигрантские языки*, выделение которых в отдельную группу требует дальнейшего серьезного обсуждения (среди дифференцирующих признаков иммигрантских языков особенности 'поселения', регулярная регистрация в переписях, нахождение вне стратегии языкового планирования и др.), однако уже сейчас в эту группу языков народов Казахстана могут быть отнесены английский, вьетнамский, испанский,

⁴ Абазинский, абхазский, аварский, адыгейский, азербайджанский, албанский, алтайский, армянский, башкирский, белорусский, болгарский, бурятский, венгерский, гагаузский, грузинский, даргинский, ингушский, кабардино-черкесский, калмыцкий, каракалпакский, карачаево-балкарский, кыргызский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, корейский, кумыкский, лакский, латышский, лезгинский, литовский, марийский горный, марийский луговой, молдавский, монгольский, мордовский мокша, мордовский эрзя, немецкий, ногайский, осетинский, персидский, польский, пушту, румынский, русский, сербский, словацкий, табасаранский, таджикский, татарский, татский, тувинский, туркменский, удмуртский, узбекский, уйгурский, украинский, финский, хакасский, хорватский, чеченский, чешский, чувашский, эстонский, якутский/саха.

⁵ Агульский, алеутский, ассирийский (новосирийский), белуджский, вепсский, долганский, дунганский, ижорский, ительменский (камчадалский), караимский, карельский, кетский (остяцкий), корякский, крымско-татарский, курдский, ливский, мансийский, нанайский, негидальский, ненецкий, нивхский, орокский, орочский, рутульский, рушанский, саамский, селькупский, талышский, тофаларский, турецкий (месхетинский), удинский, удэгейский, ульчский, хантыйский, цахурский, чуванский (диалект юкагирского языка), шорский, шугнанский, эвенкийский, эвенский, энецкий, юкагирский.

итальянский, китайский, французский, хинди, урду, носители которых демонстрируют лояльность к языковой политике и характеризуются высокой степенью владения казахским языком [Сулейменова и др. 2007: 24-33; 108-251].

Сравнение численности народов⁶ за 30 лет вызывает резонные вопросы: *Почему численность некоторых малочисленных этнических групп так значительно сократилась?* и наоборот: *Почему численность некоторых этнических групп так стремительно возросла?* и наконец: *Какова вероятность сохранения языков диаспорами с критическим числом носителей?*

Ответ на первый вопрос, очевидно, связан с мощными миграционными потоками из страны, которые 'подхватили' не только большие, но и малые народы.

Ответ на второй вопрос, возможно, связан, во-первых, с подвижностью этнической и языковой идентификации и сопровождающими ее ассимилятивными процессами; во-вторых, с манипуляциями в перечне национальностей при переписи населения.

Ответ на третий вопрос оказывается неутешительным. Во-первых, критическая численность референтных носителей 57 языков вызывает справедливые опасения в возможности их сохранения, в наибольшей степени это касается языков с числом носителей в диапазоне от 10 до 200 человек. Во-вторых, сама принципиальная возможность сохранения этнического языка диаспорами с критическим числом носителей является по сути маловероятной, поскольку жизнеспособность языков, находящихся вдали от материнского этноса, резко снижается. Следует, однако, иметь в виду два важных обстоятельства: а) прояснить ситуацию с сохранением данной группы языков можно будет по данным, полученным в ходе Переписи населения Республики Казахстан в 2009 г.; б) все сказанное лишь

⁶ В.И. Беликов на основе официальной этнодемографической статистики выделяет официальные и неофициальные (неафишируемые, игнорируемые, скрываемые и нежелательные) группы народов бывшего СССР [Беликов 1997: 18-19]. Действительно, численность *неафишируемых* немцев была неточной во всех регионах их проживания в Казахстане; численность талышей – одного из *нежелательных* народов – возросла не только в России, но и в Казахстане: 1989 г. – 37; 1999 г. – 691 чел.; возросла численность энцев – одного из *игнорируемых* народов: 1989 г. – 2; 1999 г. – 7 чел.; число турков-месхетинцев – одного из *скрываемых* народов – неожиданно оказалось весьма значительным: 1970, 1979 и 1989 г. – 0; 1999 г. – 2761 чел.; 'необъяснимо' изменилось число удинов (1970 г. – 33; 1979 г. – 194; 1989 г. – 363; 1999 г. – 294 чел.), удэгейцев (1970 г. – 7; 1979 г. – 33; 1989 г. – 19; 1999 г. – 47 чел.), чуванцев (1989 г. – 22; 1999 г. – 375 чел.) и мн.д. [Сулейменова и др. 2007].

косвенно может быть спроецировано на витальность языков материнского этноса.

Для понимания характера экзогlossenности языковой ситуации в Казахстане важно не только знание количества языков и числа их референтных носителей, но и особенностей самих языков: во-первых, 24 тюркских языка – это самая многочисленная группа родственных языков; во-вторых, убедительно представлен агглютинативный тип языков (63%); в-третьих, по численности референтных этносов тюркские (60,5%) и славянские (34,6%) языки противостоят остальным языкам (4,9%).

Итак, степень этнического разнообразия не определяется только числом всех этносов, поскольку 15,2% населения страны – это референтные этнические группы 124 языков, из них 57 языков имеют критическое число носителей. Видим, что этноязыковой ландшафт современного Казахстана характеризуется, с одной стороны, высокой степенью этнического и языкового разнообразия, с другой – тем, что два этноса (казахский и русский) доминируют в количественном отношении над всеми остальными этносами, а казахский и русский языки являются двумя главными коммуникативно мощными партнерами.

Полиязычие Казахстана – вполне очевидный и реальный факт, для понимания особенностей которого необходимо рассмотреть степень владения казахским и русским языками, наличие/отсутствие языкового сдвига (*language shift*), а также успешность планирования распространения государственного языка. Рассмотрим участие казахского и русского языков в процессах полиязычия, распределив население Казахстана на четыре наиболее показательные в этноязыковом отношении группы: казахи, русские, представители крупных и малочисленных диаспор.

4. Владение языками и полиязычие казахов

Сведения о владении казахами казахским языком противоречивы: а) по исчислению данных переписи 1989 г., степень двуязычия казахов составляла 60,3%, неассимилировавшиеся казахи-монолингвы – 36,9%; неассимилировавшиеся казахи-билингвы – 60,05%; неассимилировавшиеся казахи-билингвы с доминирующим русским языком – 0,25%; ассимилировавшиеся монолингвы-казахи, говорящие только на русском языке – 2,13% [Хо Сун Чхол 2000: 381-391]; б) доля казахов, владеющих литературной формой родного языка, в начале 90-х не превышала 20-25% [Баскаков 1991: 20-21]; в) из 6,5 млн. казахов 98% говорят на казахском как на первом языке [Grimes 1992]; г) в 1994 г. в Казахстане было около 8 млн.

носителей казахского языка [Мусаев 1998: 13-15], по другим данным – 7,3 млн. [Boeschoten 1998: 13-15]; д) в 1996 г. только 51,1% всего населения страны владели казахским языком (свободно говорю, читаю, пишу), а число владеющих русским языком было в 2,4 раза выше [Аренов, Калмыков 1997: 21-22] и др.

Разделенность казахов по владению vs. невладению ими казахским языком неоднократно отмечалась в литературе. В настоящее время вполне отчетливо просматривается тенденция поворота языкового сдвига (reversing language shift) [Fishman 1991]. Сегодня казахи-русофоны, испытывающие осязаемое и постоянное давление со стороны осуществляющегося языкового планирования, составляют всего 1,4% [Хасанов 2007: 304]; 1,7% [Сулейменова, Смагулова 2005: 157]; среди молодых (16-19 лет) – 1,1% ('не говорю, не читаю, не понимаю, не пишу'), при этом у 96% зафиксировано высокое ('свободно говорю, читаю, понимаю, пишу') и среднее ('говорю, читаю, понимаю, пишу с затруднениями') владение казахским языком [Сулейменова 2006: 15-25]. Данные о владении казахским языком респондентами-казахами, полученные в 2009 г., суммированы в Таблице 1.

Таблица 1 Казахская языковая компетенция респондентов-казахов (%)

Степень компетенции	Говорение	Чтение	Понимание	Письмо	Общий показатель
Свободно	90,0	92,3	89,0	91,4	89,8
С затруднениями	7,9	5,8	4,6	6,9	6,3
Не владею	0,3	0,6	0,1	0,5	0,4
Оставлено без ответа	1,8	1,3	6,3	1,2	3,5

Как видим, владение казахским языком казахами существенно изменилось: а) выросла казахская языковая компетенция – о свободной и в той или иной мере затрудненной казахской языковой компетенции заявили 96,1% респондентов-казахов; б) динамика удельного веса казахов-русофонов представлена следующим образом: 1,4% – 2,13% (1989-1999 гг.) → 1,7% (2005 г.) → 0,4% (2009 г.).

Однако, иная картина наблюдается в использовании казахского языка: в регулируемых сферах общения (госучреждениях, школе, работе, банках, военном деле и др.), являющихся объектом настойчивого внимания государства, использование казахского языка, например, молодыми

респондентами достигает только 32,8%; в нерегулируемых сферах для получения информации (газеты и журналы, художественная литература, научная литература, радио, телевидение, Интернет) – 36,1%; в неформальной обстановке (в семье, с друзьями, соседями, в магазине, транспорте, на рынке) – 36,1%.

Казахи обладают самыми высокими показателями полиязычия и владения русским языком (исключение, в основном, составляют оралманы, языковая адаптация и социализация которых в Казахстане часто проходит неболезненно). Подавляющая часть казахов – это билингвы и полилингвы, часть которых из-за погруженности в сохраняющееся русское коммуникативное пространство и в силу инерционности своих коммуникативных привычек продолжает общаться на русском языке.

Таблица 2 Русская языковая компетенция респондентов-казахов (%)

<i>Степень компетенции</i>	<i>Говорение</i>	<i>Чтение</i>	<i>Понимание</i>	<i>Письмо</i>	<i>Общий показатель</i>
Свободно	79,4	88,3	88,6	82,7	84,7
С затруднениями	13,5	5,5	4,6	11,0	8,6
Не владею	–	0,5	0,2	0,2	0,2
Оставлено без ответа	7,7	5,7	6,6	6,1	6,5

Сопоставление данных позволяет заметить: а) главными 'игроками на поле' полиязычия респондентов-казахов являются казахский и русский языки; б) показатели владения казахским языком респондентами-казахами существенно выросли; в) произошел 'поворот языкового сдвига', сокративший удельный вес казахов-русифонов до 0,4%; г) респонденты-казахи сохраняют высокие показатели владения русским языком.

5. Владение языками и полиязычие русских

Практически все русское население страны, которое продолжает оставаться вторым по численности этносом⁷, владеет русским языком: 97,4% респондентов заявили о его свободном владении.

⁷ Удельный вес русской диаспоры в стране за последние годы сократился за счет миграционных оттоков из страны (на 25,2%) и характеризуется тревожными демографическими показателями: высокая смертность, низкие темпы естественного прироста (5,1%), 'демографическое старение'. Напр., 17,0% русских составляют люди старше 60 лет, что выше аналогичного показателя казахов в четыре раза [Аубакирова 2005].

Произошли изменения в казахской языковой компетенции респондентов-русских (см. Таблицу 3, в которой приведены данные 2009 года).

Таблица 3 Казахская языковая компетенция респондентов-русских (%)

<i>Степень компетенции</i>	<i>Говорение</i>	<i>Чтение</i>	<i>Понимание</i>	<i>Письмо</i>	<i>Общий показатель</i>
Свободно	4,6	36,8	9,2	31,0	20,4
С затруднениями	62,0	40,2	75,8	43,7	55,4
Не владею	26,4	12,6	10,3	14,9	16,0
Оставлено без ответа	7,0	10,4	4,7	10,4	8,2

Для понимания произошедших изменений с владением казахским языком русскими важно учитывать, на каком фоне они произошли: совсем недавно D. Laitin отмечал, что для русскоязычных в Казахстане была абсурдна сама идея изучать язык страны проживания [Laitin 1998: 156], и только 16,1% русских были зафиксированы как билингвы [Национальный 2000].

Данные о языковой компетенции более молодых (16-25 лет) респондентов также подтверждают факт зарождения тенденции к формированию у молодежи русско-казахского двуязычия. Респондентам-русским свойственна высокая степень корреляции этнической и языковой идентичности, но 1,8% из них объявили казахский родным языком [Сулейменова 2006: 15-25]. Однако респонденты-русские ограничивают употребление казахского языка только одной сферой регулируемого общения (работой) и двумя сферами неформального общения (с друзьями, на рынке).

Итак, основными компонентами полиязычия русских также являются два языка: русский (общая языковая компетенция – 97,4%) и казахский (общая языковая компетенция – 75,8%).

6. Владение языками и полиязычие представителей крупных диаспор

К крупным диаспорам (исключая русскую) относятся украинская, узбекская, немецкая, татарская, уйгурская, белорусская и корейская, численность которых находится в пределах 547054 чел. (украинская диаспора) – 99665 чел. (корейская диаспора)⁸.

⁸ Конституцией Республики Казахстан гарантируется создание условий для изучения языков народов Казахстана, однако в школах изучаются только 14 родных языков. На 7

За годы независимости увеличились и продолжают увеличиваться уйгурская (42%) и узбекская (41%) диаспоры, сократились немецкая (60,8%), украинская (39%), белорусская (38,3%), татарская (20,3%) диаспоры. Уйгурская и узбекская диаспоры имеют положительные демографические характеристики; напротив, высокая смертность отмечается у белорусов (в 1,9 раза выше общего показателя) и украинцев (в 2,1 раза), им же свойственно 'демографическое старение' (23,8% белорусов и 24,7% украинцев старше 60 лет). Немцы и корейцы в этой группе занимают особое место: став в большей своей части урбанизированным этносом (среди немцев 51,4% горожан, среди корейцев 86,6% горожан), они сохраняют естественный прирост [Аубакирова 2005].

Интересно сопоставить демографические показатели рассматриваемых диаспор с владением этническим языком, казахским и русским языками с интервалом в десять лет, сопоставив данные переписи в Республике Казахстан в 1999 году [Национальный 2000] и данные 2009 года.

Таблица 4 Владение крупными диаспорами этническим языком, казахским и русским языками (в %)

Владение языками Диаспора	Этнический язык		Казахский язык		Русский язык	
	1999	2009	1999	2009	1999	2009
Корейская	25,8	25,0	28,8	55,0	97,7	99,8
Немецкая	21,8	–	15,4	50,0	99,3	100,0
Украинская	16,1	20,8	12,6	30,7	99,5	100,0
Белорусская	13,5	18,7	9,9	32,0	99,4	100,0
Татарская	37,1	35,0	63,6	85,0	96,9	99,2
Узбекская	97,0	89,2	80,0	86,7	59,2	66,7
Уйгурская	81,3	79,7	80,5	86,7	86,1	73,9

языках диаспор в школах ведется обучение, в ряде вузов осуществляется подготовка специалистов по немецкому, уйгурскому, польскому, турецкому, корейскому, азербайджанскому и другим языкам, однако количество студентов невелико, напр., в 2004 г. на узбекском языке обучались 401, корейском – 11, немецком – 14, уйгурском – 16, других языках – 17 человек. Существуют пакеты государственных заказов, освобождение от налогов, размещение государственной рекламы в газетах и журналах, напр., «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Корё ильбо», «Уйгур авазы», «Українські новини» и др. Всего государство частично финансирует 14 газет и 8 журналов на языках диаспор.

Приведенные в таблице данные позволяют сделать следующие наблюдения:

– во-первых, при низком уровне владения этническим языком белорусской, украинской, корейской, немецкой диаспор показатели владения казахским и русским языками выше, значит, тем выше вероятность языкового сдвига и ниже возможность формирования полиязычия на основе этнического языка;

– во-вторых, 'благополучные' демографические характеристики и уровень владения этническим языком, характеризующие три крупные тюркские (уйгурская, узбекская, отчасти татарская) диаспоры, сопровождаются стабильными и повышающимися показателями владения казахским и русским языками, а также полиязычием на основе этнического языка у представителей этих диаспор.

Кроме того, учитывая темпы роста тюркских диаспор (проживающих в основной массе компактно), следует ожидать, что среда тюркско-казахского двуязычия будет расширяться естественным образом, в противоположность сильной ассимиляции славянских народов (украинцев и белорусов) с русской культурной и языковой средой.

7. Владение языками и полиязычие малочисленных диаспор

К малочисленным могут быть отнесены 57 диаспор Казахстана, численность которых не превышает 200 человек, среди них особую группу составляют 14 диаспор с критическим числом – менее 10 человек⁹. Малочисленные диаспоры Казахстана преимущественно представлены такими же малочисленными народами Российской Федерации, и демографически неравнозначные языки диаспор, включаясь в причудливый этноязыковой ландшафт страны, отражают разнообразную историю разных народов, волею судеб оказавшихся на территории Казахстана.

Для этих диаспор, поскольку речь идет о так называемой 'островной' диаспоре, оторванной от далекого материнского этноса, сохранение этнического языка оказывается практически невозможным и создаются условия для индивидуальной утраты языка, или языковой аттриции (language attrition).

⁹ К последним относятся: алеутская, ительменская, кетская, ливская, мансийская, негидальская, нивхская, орокская, орольская, саамская, селькупская, ульчская, энецкая, юкагирская диаспоры.

Низкие показатели владения этническим языком (не превышающие в целом 25-30%¹⁰) и, напротив, высокие (приближающиеся к 100%) показатели владения русским языком свидетельствуют о произошедшем языковом сдвиге¹¹ малочисленных (как правило, дисперсно проживающих) диаспор Казахстана. В этом процессе наиболее ярко проявляется зависимость языкового поведения представителей малочисленных диаспор от доминирующего языка и культуры. Социализация ставит их в условия иммерсии – длительного погружения в среду другого языка при исключении или незначительном (внутрисемейном) использовании этнического языка.

Именно это стало для рассматриваемых диаспор одним из важнейших факторов языкового сдвига, поддерживаемого нарушением межпоколенной трансмиссии языка, отсутствием школьного образования, недостаточной престижностью родного языка и др. на фоне критической малочисленности диаспор. Следует также учитывать особенности языкового сдвига диаспор, практически лишенных контакта с 'материнским' этносом и находящихся в условиях сильного давления со стороны окружающего казахского и русского языкового пространства.

8. Заключение

Таким образом, владение языками, характер и степень полиязычия разных этнических групп дают следующую своеобразную картину языкового состояния Казахстана. Все четыре условно выделенные группы населения

¹⁰ Конечно же, каждый казахстанец, отвечая на вопрос о владении языком своей национальности, мог намеренно или ненамеренно завышать данные о его владении, в первую очередь из-за отстаивания собственной этнической и языковой идентичности. Здесь же хочется подчеркнуть замеченную особенность малочисленных диаспор Казахстана – они стремятся тем самым подчеркнуть свою связь с основным массивом этноса.

¹¹ «Основная масса народов, переходящих на русский язык, – это те, кто не имеет в России компактной этнической территории. Из остальных в угрожающем положении находятся этнические языки карелов и вепсов, а также большинство языков народов Севера <...> Настораживает положение мордовского, обоих коми, удмуртского <...> сравнительно хорошие шансы на выживание имеют лишь долганский <...>, ненецкий и нганасанский языки; несколько хуже положение чукотского. Направление языковой ассимиляции эвенков, эвенов и юкагиров зависит от места проживания: около половины их живет в Якутии (48% эвенков, 50% эвенов, 61% юкагиров), где уже достаточно далеко зашел процесс их перехода на якутский, который объявили родным соответственно 88, 56 и 31% представителей этих народов. Вне Якутии они переходят на русский» [Беликов, Крысин 2001: 405-406].

Казахстана демонстрируют возросший (по сравнению с 1999 годом) уровень казахской (некоторое исключение составляют носители славянских языков) и сохраняющийся высокий уровень русской языковой компетенции¹².

Разная демографическая и коммуникативная мощь языков сказалась на особенностях владения языками: малочисленность и дисперсность проживания диаспор делают весьма сомнительным сохранение ими этнических языков; наблюдается языковой сдвиг в сторону казахского или русского языков; чем малочисленнее диаспора, тем выше знание ими казахского или русского языка; степень владения казахским языком тюркскими диаспорами выше, чем славянскими диаспорами.

Дисперсное расселение большинства диаспор (в меньшей мере это касается дунганской, уйгурской, узбекской и др. диаспор) создает условия для регулярного взаимодействия, с одной стороны, казахского языка с языками диаспор и другим коммуникативно мощным – русским языком, с другой – языков диаспор с казахским и русским языками. Все диаспоры вместе и ни одна из них в отдельности не могут сравниться по демографической мощи с казахским и русским населением. Проекция приведенных данных на удельный вес всех этнических языков в коммуникативном пространстве не позволяет говорить о высокой степени языкового разнообразия, которое определялось бы всеми 126 языками.

Казахский и русский языки лидируют по количеству говорящих на них, кроме того, во всех этнических группах значительно число билингов со вторым казахским или вторым русским языком, что также увеличивает поле софункционирования обоих языков.

Этнодемографические процессы сказались на общем возрастании казахской и сохранении русской языковой компетенции, на формировании и поддержке полиязычия в стране. Все вместе придает этноязыковому ландшафту диффузный характер, а языковая ситуация оказывается четко централизованной вокруг двух коммуникативно мощных партнеров –

¹² Политические, этнодемографические и иные процессы непосредственным образом сказались на функционировании казахского и русского языков: регулированию подверглись сферы организованного общения, поддающиеся сознательному и целенаправленному воздействию, сферы неорганизованного спонтанного общения (художественная литература, фольклор, семейно-бытовое общение и проч., а также межнациональное общение на личностном уровне) остались непереключающимися. Одной из переключающихся зон является, например, сфера официального делового общения, регулирование общения в которой наиболее наглядно проявляется в осуществляемом переводе делопроизводства на казахский язык.

казахского и русского языков, владение которыми является необходимым условием осуществления интеграционных процессов в стране, а также экономической межгосударственной интеграции Казахстана и России.

Литература

- Аренов, М., Калмыков, С. (1997) Современная языковая ситуация в Республике Казахстан // Саясат. №1 – Алматы
- Аубакирова, Ж.С. (2005) Этнические особенности воспроизводства населения Казахстана <http://www.demoscope.ru/weekly>
- Баскаков, А.Н. (1991) Некоторые замечания по поводу законов о языке // Русский язык в СССР. – Москва, №4
- Беликов, В.И. (1997) Надежность советских этнодемографических данных // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. – Москва
- Беликов, В.И., Крысин, Л.П. (2001) Социолингвистика. – Москва
- Губогло, М.Н. (2003) Русский язык и толерантность. – Москва
- Мусаев, К. (1998) История казахского языка // Қазақстан жоғары мектебі. №5 – Алматы
- Национальный (2000) Национальный состав населения Республики Казахстан. Статистический сборник. – т. 1-2. – Алматы
- Сулейменова, Э.Д. (2006) Архетип 'гадкого утенка' и языковая идентичность // Язык и идентичность. Материалы межд. конф. – Алматы
- Сулейменова, Э.Д., Смагулова, Ж.С. (2005) Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. – Алматы
- Сулейменова, Э.Д., Шаймерденова, Н.Ж. (2002) Словарь социолингвистических терминов. – Алматы
- Сулейменова, Э.Д., Шаймерденова, Н.Ж., Аканова, Д.Х. (2007) Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник. – Алматы
- Топилин, А. (2002) Демографическая ситуация в странах СНГ // Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии РАН, № 61 <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps61.pdf>
- Хасанов, Б. (2007) Языки народов Казахстана: от молчания к стратегии развития. – Алматы
- Хо Сун Чхол. (2000) Языковая ситуация в России и других новых независимых государствах бывшего СССР // Языки Российской Федерации и нового Зарубежья. Статус и функции. – Москва
- Boeschoten, H. (1998) The Speakers of Turkic Languages // The Turkic Languages. – Ed. By L. Johanson & E. A. Csato. – L., N.-Y.
- Fishman, J.A. (1991) Reversing Language shift. Clevedon: Multilingual Matters

Grimes, B.F. (1992) *Ethnologue: Languages and identity in contemporary Europe*. Clevedon: Multilingual Matters

Laitin, D. (1998) *Identity in formation, the Russian-speaking populations in the near abroad*. – Ithaca: Cornell University Press